

II. Кутаисский театр

ЧЕЛОВЕКУ мила родная природа. Южанину северный ландшафт кажется скудным, для северянина тропики слишком изысканны. Но театр есть театр, и любой человек ищет в нем яркости. Какие же краски нужны театру там, где беспрдельно буйное цветение природы?

Судите сами. Мы едем в Кутаиси. Перед нами разворачивается такой театр... Сначала дают море. Оно лениво, плавит на солнце серебристо-синие чешуйки и выглядит всамделишной декорацией, приводимой в движение такой машинерией и освещенной такой аппаратурой, которых и в помине нет в современном теат-

В ТЕАТРАХ СТРАНЫ

чистая мелодия... Невольно вспоминаются незабываемые дуэты, которые пел Васадзе со своим другом Иваном Семеновичем Козловским на дружеских встречах в Московском клубе мастеров искусств...

Его Коция содержатель и поучителен, в нем сосредоточилась судьба целого поколения людей, в прошлом величавых, но развранных паразитической жизнью, ставших мелкими угодниками, с трусливой амбицией и бесплодной велеречивостью.

Но пусть простят меня древние, я любовался не только мудрой красотой их бессмертного творения, я восхищался не только чудесами гармонии асимметрии, свойственной старинной грузинской архитектуре. Меня заворожил Васадзе! На седьмом десятке, при почтенной комплекции, после спектакля он был в состоянии, которое мне хотелось бы назвать невосомостью эстетического наслаждения. Подробно описывая каждый уголок Гелати, который он, кутаисец, знал с детства и наизусть, как любимое стихотворение, Васадзе как будто парил в прозрачном горном воздухе, заново открывая волшебное царство. Он сам восторгался и жаждал восторга от гостя.

Когда я задумываюсь над тем, почему некоторые даровитые актеры постепенно увядают, не оправдав надежд, мне кажется, что причиной тому неспособность удивляться жизни, каждый час открывать ее заново и приходить в восторг от громады и от пытки мироздания.

Художническая неуявимость таких мастеров, как Акакий Васадзе, — следствие человеческой живости, пыливости, неутомимости. На протяжении многих лет он руководил Театром Руставели, создавал спектакли и роли, которые имели непреходящий успех и остались в истории сценического искусства. Жадный интерес к жизни непрерывно обогащал его творчество живым дыханием современности; динамизм — не только как свойство природы, но и как результат постоянного тренажа — отточил его технику до виртуозности. Никогда не забыть одного из явлений Франца Моора в «Разбойниках», когда Васадзе, непрерывно крича, бежал по сложной системе лестниц и галерей и, подлетев к рампе, на едином дыхании произносил большой монолог.

«Мне хочется, чтобы в числе традиций, которые стоит продолжать и приумножать, наша молодежь взяла и эту жажду жизни и творчества, эту способность к «самозатачиванию» художественного оружия».

Меня порадовала молодость и острота взгляда Васадзе и в постановке современной сатиры Поликарпа Какабадзе «Карусель жизни».

Не все понравилось мне в этой яркой, активной пьесе, жадно вобравшей уйму пороков для того, чтобы вместить их в одного сатирического героя, что неизбежно привело к иллюстративности. Театр кое-что сократил, отредактировал, и, хотя ему не удалось оживить некоторые служебные персонажи, он сделал нечто весьма важное: укрепил положительных героев, придав тройке рабочих изобретателей черты Велосипедкина и его друзей из «Бани» Маяковского.

Близкими к театру Маяковского оказались и сатирические персонажи,

безбоязненно взятые в шарже, гиперболе, комическом гротеске.

Театр рассказал зрителю о показухе, вельможном чванстве, патологическом карьеризме и окаянном подхалимстве. Известный грузинский художник Д. Тавалзе обобщил идею и тему пьесы, воздвигнув в центре сцены громадные вычурные и пестрые ворота, в орнамент которых вплетены петушиные хвосты, а на шпилях сидят упитанные курицы. Так выглядит усадьба знатной колхозницы Зефорэ, нажившей общественный «вес» и немалые средства на показухе, раздутой любителями сенсаций.

В образе Лопиана (В. Мегрелишвили) театр показал типичную фигуру отстраненного «вельможи» и ту силу инерции, при которой некоторые люди все еще видят в нем того самого Лопиана, который не так давно приводил в трепет и содрогание вся и всех! Видят и снова испытывают трепет.

В конечном итоге к вящему удовольствию зрителя все становится на место. Терпят полный крах и сам Лопиан, и все присные подхалимы. На сцене торжествует правда! А я записываю в актив Кутаисского театра второй хороший спектакль.

Впрочем, есть еще один. Это «Браконьеры» Э. Раннета, только что вышедшие на сцену в исполнении В. Мегрелишвили (Ягуп), Г. Напвлишвили (Аадам), Л. Вашакадзе (Мейла). Обычно неупех переводной пьесы объясняют чужестой коллизий и характеров для национального зрителя. Но вот эстонская пьеса, да еще наполненная диалогами об искусстве, а как хорошо принимается. «Играть, батенька, надо!» — говорили в старину. Хорошо играют — хорошо смотрят. Для полноты определения следовало бы сказать: хорошо пишут — хорошо играют, хорошо играют — хорошо смотрят.

Впрочем, это далеко не стойкая, хоть и справедливая формула. В Кутаисском театре нередко хорошо играют, часто хорошо смотрят, но не всегда хорошо ходят на спектакли. Впрочем, на такой спектакль, как «Цария зари», ходят, и уже не первый год. Но ведь это плохой детектив, лишенный элементарной идейно-художественной логики, к тому же поставленный и сыгранный со всеми мелодраматическими штампами. Где же логика? Есть логика и здесь, притом довольно жестокая: ловя зрителя на дурную приманку, обязательно отвращает его от хорошей. Что посеешь, то и пожнешь...

Кутаисский театр имеет громкое имя и славные традиции. Кутаиси всегда был культурным городом, стал он и одним из центров высококачественной промышленности. И театр, и город достойны большого искусства. К тому, что сделано и делается на сцене Кутаисского театра, следует добавить больше хороших современных пьес и больше молодых актеров, способных слиться с достойными «стариками».

М. ЛЕВИН.

КУТАИСИ.

ИЗ ГРУЗИНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ре. Потом представляют горы. Те, что повыше, — в снегу и тянутся грядой где-то в недостижимой дали. Те, что пониже, подставляют спины, исполосованные затайливым серпантинном. Отсюда поворот за поворотом видны, будто громадные отары зеленых баранов, прижавшихся к склонам, чайные плантации; горящие пыльным пламенем персиковые деревья или залитые збытыми сливками яблони, сбегające в долины.

Грузинские долины! Если был когда-нибудь рай, то только здесь, недаром часть Грузии зовется Гурией. А вот и Риони, славная река, она дает воду, свет и красивые виды. А что дает театр в городе, расположенном на этой реке?

И вот мы на площади, над которой нависло могучее полукругие театральное фьсада. Кутаисский театр. Один из трех китов грузинской сцены. Он носит имя своего основателя замечательного театрального деятеля-демократа Ладос Месхишвили (В. Алексеева-Месхиева). Восемь лет назад сюда переехал из Тбилиси известный режиссер и актер Акакий Васадзе. Он руководит театром, ставит спектакли, изредка играет. Те, кто видел Васадзе в ролях Франца Моора, Яго, Шмаги, Василия Шуйского, Дариспана, Чадулели, поймет, какое удовольствие я предвкушал, узнав, что он играет князя Коция в «Гушиндели» («Вчерашние») Ш. Даднани.

Эта роль сделана актером давно и явилась составной частью его славы. Но и сейчас он играет Коция по-модерно свежо и изящно, поражая звучностью, богатой интонационной гаммой и пластическим рисунком роли. А как он поет мелодичные грузинские напевы! Будто соловей на зорьке заливается, полузакрыв глаза, и видно, как в горле булькает лу-

Пьеса Ш. Даднани написана в 1917 году. Ее считают грузинским «Вишневым садом». Деградирует класс оскудевающих дворян, зажатых сверху царским самодержавием, а снизу крестьянством, поднимающимся на волне революционного рабочего движения. Уходят из разорившихся гнезд дворянские дети, редко — в революцию, чаще — к хозяевам жизни — буржуазии, политикам, жандармам.

Постановщик спектакля А. Васадзе точно прочитал пьесу, угадав за ней эпоху, в которой инерция распадающихся социальных связей придает человеческим отношениям автоматизм. Васадзе-актер оставляет глубокое впечатление, особенно в финале, когда его князь Коция, узнав о решении дочери, внешне выражает неумейный верноподданнический восторг перед жандармом, а во взгляде, брошенном на дочь, читается горечь унижения и грусть расставания. Васадзе-режиссер стремится заострить пьесу не на судьбе княжеских семейств, а на столкновении группы крестьян с кровопийцей-старостой, нажившим состояние на крестьянских бедах, и с холодным ханом, начальником уезда.

ПОСЛЕ «Вчерашних» (спектакль шел днем) Акакий Васадзе берет меня высоко в горы, в заповедный храм Гелати. Невозможно передать того сплыва простоты и величавости, весомости и воздушности, вековой отдаленности и современной близости, каким предстает этот шедевр грузинской архитектуры и тогда, когда видишь его издали, снизу, гармонично вписанным в зеленую гору, синее небо, белые облака, и потом, когда смотришь вблизи, видишь древние фрески, поразительную мозаику или медленно прохаживаешься по дворику, где десять веков назад ходили философы со своими учениками.

Соб. куммист, 1966, 2 номер